

ДМИТРИЙ КРЫМОВ ПРОЧЕЛ «КОРОЛЯ ЛИРА» КАК ОЧЕНЬ ЛИЧНУЮ ИСТОРИЮ И ПРЕВРАТИЛ ЕГО В «ТРИ СЕСТРЫ»

ВЗГЛЯД

Марина ТОКАРЕВА

Наследник короля

Ему и в голову бы не пришло этим заняться, если бы всё оставалось по-прежнему. Если бы он мог, как раньше, поговорить с отцом, повидаться с матерью. Он вырос в укрепленной крепости, куда путь был открыт только троим — им и ему. Его создал их мир. И когда над этим миром сомкнулось время, он остался один.

Это не сюжет «Гамлета», сюжет жизни.

Стали рушиться связи, даже те, что казались незыблемыми. Надо было предпринять что-то, чтобы сохранить частицу того мира, хотя бы зыбкий его след.

Это не история короля Лира — человеческая история.

Художник Дмитрий Крымов два года назад в Театре имени Станиславского поставил «Гамлета», а сейчас в центре Анатолия Васильева на Поварской готовит премьеру «Лира». Сын великих родителей, осиротев, он вышел из своей мастерской, из уединения, из рамок — на зов текущей в жилах театральной крови. «Гамлет» стал не просто спектаклем — попыткой спасения, не освоением ремесла — актом самопознания.

Какими они были, режиссер Эфрос и критик Крымова? Аристократами духа. Каждый миг репетиций Эфроса казался значительным. Каждый миг общения с Крымовой являл торжество самого притягательного на свете театра — театра блестящего ума.

— Ну, ты ж понимаешь: референтная группа папа и мама! — сказал мне как-то с оттенком пренебрежения один из общих знакомых. Имея в виду: в нынешней жизни данный ориентир по меньшей мере наивен. А ему хватило таланта и силы не изменить ей, своей «референтной группе».

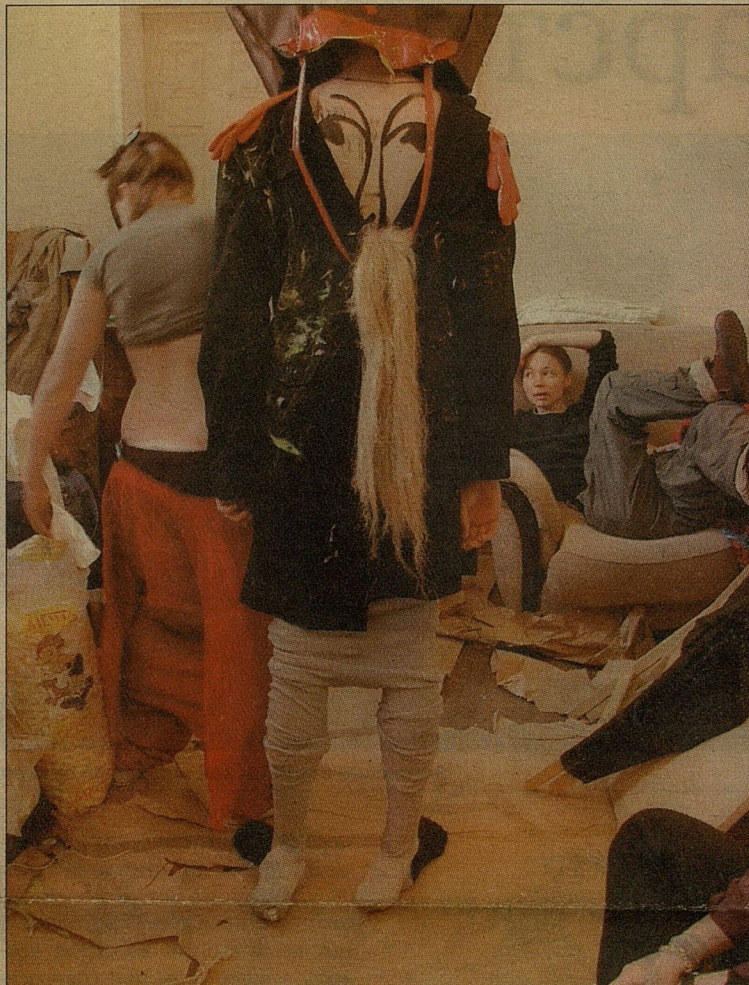
Серьезный, всегда грустный Дима с взглядом мечтателя, казалось, совсем на родителей не похож, какой-то почти чеховский персонаж. Но чеховские персонажи не водят яхту в семибальный шторм, не сдают на права в Штатах, не дарят Папе Римскому его портрет в условной манере. Их рыночный рейтинг не растет, их не продают западные галеристы, наконец, они не выходят на другую сторону собственной судьбы, чтобы выжить в чужой, казалось бы, роли.

Апельсины на газете

...а может быть, яблоки. Настоящие пуговицы, пришитые к костюму на холсте. Ноги и головы персонажей, выпирающие из пространства картины в пространство жизни. Краски и клеенка, крафт-бумага, парча. Пересекать границы, соединять чужеродное, создавать мир вручную, кустарным способом, на ощупь исследуя его шершавость, драматизм. Опытный сценограф, оформивший восемь десятков спектаклей, выставившийся в Европе и Америке, изобразительного искусства Крымов все это перенес в режиссуру.

— Этак ты скоро и статьи критические начнешь писать, — сказал ему мимоходом старейшина московского критического цеха.

Писал уже — как раз для «МН».

Все играют всех — и лица возникают на спинах

Был графиком, живописцем, делал книги. Теперь еще стал педагогом.

Со своими студентами-сценографами — редкий случай! — поставил спектакль, изобретательно освоив жестокие сказки Афанасьева. «Недосказки» соединяют клип и вечное искусство, извлекают черный юмор с донных слоев нацио-

тересно выяснение в споре, в энергии противления традиции. Стоялы главных мифов Шекспира он очищает от «лишних» ветвей. Театр сценографа, ставшего режиссером, принципиально беден: артисты и минимум реквизита. Какие эффекты на сцене способны сегод-ня соперничать с реальностью?

Он вышел из своей мастерской, из уединения, из рамок — на зов текущей в жилах театральной крови

нального характера, используют тела как холсты. Всё вместе рождает новую выразительность.

...Когда он оформлял для отца «Тартюфа» во МХАТе, мать посоветовала: посмотри в подвалах театра, наверняка сохранились алексеевские ситцы. И мольеровская Франция дерзко запестрела знаменитыми ситцами Станиславского.

Возмутить, нарушить спокойную поверхность — только начало. Постпостмодернисту Крымову ин-

Лишь человек и его страсти ею пока не отменены.

«Три сестры» Вильяма Шекспира

Спектакль называется «Три сестры». Афиша сообщает: литературная основа — «Король Лир», «Бесплодные усилия любви» и сонеты Шекспира. Крымов предлагает не столько трактовку, сколько версию. И в ней всё спорно.

Три девочки на сцене: одна усердно носит воду в ведрах, выливая её

Спектакль «Недосказки» сделан с второкурниками ГИТИСа

в корыто, другая сидит за пианино, третья читает, лежа на животе, играя с крохотной черепашкой (властно подтягивает её к себе согнутым прутиком, не дает отползти; только в этом жесте, пожалуй, и чудится что-то, еще не наступившее). Они только вчера перешли грань отрочества: младшая рассматривает какие-то запретные «обнаженки», средняя пробует помаду, размазывая её вокруг рта, будто крови напилась, старшая пытается курить... Не жажда власти в них говорит — поет юная расцветающая женственность. Видно — они выросли в любви: возятся, словно щенки, перед тем как забраться в воду (резинный красный бассейн), в воздух летят чулки, платья... Огромный шут (Эдриан Джурджия) для них, как ручной слон, живая игрушка, они виснут на нем втроем, с визгом. А любящий отец (Михаил Янушкевич)

Дмитрий Крымов

привычно, домашними движениями собирает ворох сброшенной одежды, складывает её на стул... И поглядывая в угол, откуда доносится плеск воды, где мелькают на занавеске тени, приказывает шуту принести карту Британии.

Карта — доска, и он распиливает её на три части. Улыбаясь, Лир зовет Гонерилью (Анна Синякина). Рыжее солнце, сияющее беспринципным счастьем, она встанет на стул, прочтет сонет (умница, дочка!) и получит свой кусок «карты». Черноокой Регане (Наталья Горчакова) шут будет стирать помаду, пока она послушно проговаривает свои слова. Так и убежит, вся в разводах, со своим куском доски. Никто из них не просит королевства и, похоже, не очень понимает, что происходит. Особенно упрямыми младшая (Корделия — Алина Сергеева), не желающая произносить то, что должно, как бы ни уговари-

вал, качая на коленях, отец. Но и она получит свой «кусочек»: три дочери — три части королевства.

Канон разрушен целиком. Гонерилья, врываясь на сцену, умоляет отца унять своих рыцарей, и всякий раз её сбивают с ног, на веревке утягивают за кулисы: королевская свита груба, не собирается считаться с девчонками. И они, ластясь к обожаемому отцу, уговаривают: зачем эти безжалостные солдаты, если мы сами и все наши слуги рады служить тебе? Лир в ответ вскипает: всё должно быть, как хочет король! Его оскорбленное самолюбие разрушительно. Дочери в ужасе от его гнева, но им уже кажется: они знают, как лучше для всех. И они накидываются на шута, словно в шутку, лентами пластыря запеленывая руки, ноги, заклеивая рот. Вместо «боевого товарища» король застаёт беспомощно мычащую, стреноженную тушу. Жизнь отступает от него вместе с девочками: он теряет королевские регалии, становясь беззащитен.

Изменение неумовимо. У Бредбери есть рассказ «Вельд». В нем хищники, рожденные воображением детей, пожирают их родителей. Протест младших против запретов старших оборачивается их гибелью. Подобная, невинная, возникающая в игре, но оттого еще более чудовищная жестокость овладевает нежными дочками короля Лира. Казалось бы, они лишь защищают себя и свою свободу, но происходящее, как нечаянное убийство: случается внезапно, и назад пути нет... Защищаясь, они выжгут глаза шуту, защищаясь, обмениваются понимающими улыбками и, замерев, будут безмолвно следить за гибнущим королем. Измученный их безжалостной молодой правотой, он упадет головой вниз в тот самый бассейн, где они прежде купались, и они отзовутся: папа умер? умер?! Не девочки — ведьмы.

Бедный театр

Крымов перевел шекспировский эпос в регистр частной истории. Зачем для этого нужен именно «Лир»? Из-за его всемирности. Даже очевидные несовершенства этого спектакля мне интереснее иных общепризнанных «совершенств». В изнаночной простоте решения проступает нечто пленительное. Спрашиваю Крымова, что для него означает театр, и получаю ответ: кайф! Кайф — идти утром на репетицию, искать музыку, приветствовать актеров, отвечать на вопросы режиссеров и монтеров, работать. А когда все разойдется, остаться и подмести зал...

Главные театральные впечатления Дмитрия Крымова — спектакли, на которых он плакал: «Дом на набережной» Любимова, «Кампелло» Стрелера, «Брат Алеша» Эфроса... Он воспитан в религии ясного знания: театр есть способ выяснения истины.

Гроетовский считал, что дебют возможен в любом возрасте.

Быть может, главное, что получил в наследство Крымов, — живая душа. Его сценические опыты заступаются за жизнь; они отмечены неким странным донкихотством, вопреки собственному благополучию и недоверию окружающих. Эти спектакли не только для тех, кто наполняет зал, но и для тех, кто не придет никогда.

Премьера — в воскресенье. ■